

Старый Иван сидел уже долго. Никаких мыслей не было, кроме запавшей в душу и уже изрядно измаявшей: «Зачем ты так?!»

Он морщился, тряс головой, тёр рукой наждачную бороду, пытался думать о чём-то другом, вспомнить что-нибудь, но нет, засты всё остальное, всплывало одно: «Зачем ты так?!»

Вчера он похоронил бабу, рядом с которой жил, сколько себя помнил, а сегодня с утра пришёл её поведать...

Так делали все и всегда, и он, не задумываясь, на третий день после смерти, наутро после похорон пришёл...

Сев на оставленный с вчера стульчик и, не зная, что делать, дед прижал пакет с «гостинцами» к коленям. Посмотрел на свежий деревянный крест и неожиданно, обращаясь именно к нему, поинтересовался: «Ну, как ты, старая, ночевала?» Крест, с примотанной суровой ниткой бумажкой в целлофане с именем-отчеством-фамилией, молчал. Машинально вспомнив, что памятник ставится в ноги, дед перевёл глаза на другой край могилы, как бы на лицо, и вдруг беззвучно заплакал, упав на колени, давя снесь в пакете... Плакал долго, тряс худыми лопатками и захлёбываясь горькими слезами... По-

том также резко прекратил, снова сел и испачканными землёй руками стал выкладывать к основанию креста на сложенную вчетверо газету еду. Стараясь ни о чём больше не думать, дед откусил сладковатый блин, держа его в левой руке, а правой – продолжая вытаскивать конфеты и мятые яйца...

– Вот всё. Водку не понёс, ты не любитель, дак и к чему? И я не буду, не думай...

Он остро почувствовал пустоту вокруг, безысходность тяжким гнётом сдавила сердце. Оглянувшись, словно ища поддержки, и не увидев никого, тихо застонал через сжатые зубы.

Около него остановилась прибежавшая ниоткуда маленькая с кривым ухом собачонка и, пуская слюни, уставилась на еду. Приняв бездействие человека за разрешение, подгибая задние ноги и растягивая тельце, смешно морща нос, приبلуда аккуратно стянула с газеты блин и, отойдя, быстро его съела. Потом уже брала всё подряд смелее и, не убегая, торопливо жевала. Закончив, как путная, десертом из конфет, собачонка обнюхала, висевшие плетьюми с колен дедовы руки и побежала дальше, не зная ещё куда, но точно – по делам...

Дед вытер глаза, поднялся и, складывая пакет, проговорил, прощаясь:

– Вот и ладно, прощай пока... Одна не останешься, вишь, какие тут бродят? А потом уж и я, через время... – он выпрямился, взял стульчик и, не оглядываясь, пошёл в крайнюю улицу, к одинокому теперь их дому.

* * *

Дни летели быстро. Дед вставал с солнцем, а иногда и раньше. Бесцельно бродил по тихому дому, уходил во двор, насыпал пшена и выпускал трёх кур и петуха, подходил к козе. Это удивительное животное смотрело на него чёрными

цыганскими глазами и тихо подмекивало. Дед научился доить козу сам: у бабки пальцы болели, но она всегда была рядом и в процессе дойки разговаривала и угощала козу вкусностями. Возможно, теперь та не понимала, почему нет хозяйки, и упорно пыталась избежать дедовых рук, бляя и тревожась. Из вполне нормальной работы дойка превратилась в муку, и дед, не смея ругать умную козу, точно решил отдать её любой соседке, какая возьмёт. Кряхтя, он поднялся с колен и сказал ей об этом. Коза, мотнув головой, согласилась: «Ме-ме-лодец!» Выйдя на свет из сарая, старик немного постоял с закрытыми глазами и для себя заключил:

– Никак без бабки, хоть ты что делай – никак!..

Сын, находясь в плавании, о чём ещё раньше сообщил, на девять дней не успел. Дед с помощью соседей собрал поминальный стол. Но, хотя день был выходной, народу было мало – одни соседи. Но это вдруг оказалось хорошо: все уместились за одним столом и долго душевно разговаривали, вспоминая добрым словом покойницу. После – сразу помыли посуду и прибрали...

Ночью, проснувшись, он услышал у соседей жалобный крик его козы и, жалея её, заплакал в подушку, готовый вернуть любимицу, но коза вдруг замолчала: может, поколотили. «Хоть и скотина, а душа, поди, есть, вишь, как переживает», – подумал Иван и решил завтра же её проведать.

Утром, заглянув в свой домашний огород, огороженный старым, но ещё вполне ровным забором, дед с удивлением обнаружил, что сорная трава покрыла всё плотным ковром, сравнив грядки вместе с произрастающими на них полезными овощами. Понимая, что помощи ждать неоткуда: у всех – то же самое, он быстро позавтракал и вступил в борьбу с сорняками. Раньше он, конечно, всегда помогал жене, но обычно тем, что пропалывал тяпкой между грядками. Сей-

час же пришлось, встав на колени, в приседе он не мог из-за старого радикулита, щипать мелкую траву тремя «святыми» пальцами. Это было так нудно и долго, что, простояв так над грядкой до полудня, он выщипал немного больше половины. Решив, наконец, отдохнуть и, пожелав встать по-человечески, в рост, сделать этого не сумел. Повторив попытку и услышав в организме подозрительный хруст, дед изрядно перепугался, переполз грядки и, завалившись набок, стал через боль потихоньку разгибать ноги. В ушах зашумело ветряным лесом, в глазах поползли тёмные круги, словно он не в землю смотрел, а на солнце! Старый Иван, не найдя других слов, выматерился, а когда это не помогло, в полголоса заскулил, подсовывая руку под себя в очередной попытке подняться...

В этом смешном, со стороны, положении и застал его сосед через три дома, ещё не старый, семидесятилетний дед Проня, по прозвищу Лепёха.

– Ты каво там ползашь, сосед? Или тлю какую вредоносную собираешь, стараешься?

Иван услышал голос, но узнать, кто это, из-за шума в ушах не сумел. Повернуть же вставшую клином шею не смог подавно:

– Кто тама, прости, Господи? Помоги, добрый человек, подняться...

Проня, поняв, что с дедом «медицинский» случай, проскочил в калитку и стал помогать Ивану, подставляя своё худое плечо.

– Вот так ошарашило тебя, сосед. Это с непривычки, точнее от отсутствия таковой, наверное. Зря ты так рискуешь, без подготовки... – и, услышав сдерживаемый Иваном стон, продолжил, – а как на лабаз, до ветру ходишь, разреши спросить, там ведь, с учётом возраста, не одну минуту сидишь?

Иван, благодарный Лепёхе за вовремя оказанную помощь, ответил:

– Я там стульчик сладил, как в городе почти. Только без слива – напрямую...

– Во, видишь, там дело минутное – и стульчик! А здесь целый день работы ты в сложенном виде хотел простоять. Что бы и сюда стульчик сделать?

Иван согласился, что так было бы лучше. Но сейчас он уже не захотел полоть грядки, даже лёжа!

– Пойдём в дом, Проня. Помоги. И разговор есть небольшой...

* * *

Проня был тот ещё гусь! Про таких говорят: «Хорошо, что бодливой корове Бог рогов не дал». Он любил хвататься за всякие изменения в «процессе существования», много экспериментировал, рискуя не только своей жизнью, но и жизнью окружающих его людей. Причём совершенно не боялся, как и великие учёные, на которых он постоянно ссылался, производить опыты даже над собой... Например, однажды, уже будучи очень взрослым, услышал по телеку, что, чтобы бросить курить, надо накуриться до тошноты, и потом – как рукой... Понимая, что куря уже лет сорок, ему трудно докуриться до такого состояния магазинными сигаретами, он пошёл к старому деду Порубаю, курящему только самосад, и за «мерзавчик» водки выменял у того целый пакет свежепаренного, крепчайшего самосада. Потом, усевшись на свежем солнышке под баней, сразу изготовил штук десять огромных, с палец толщиной, самокруток, используя современную газету «Аргументы и факты». Не желая лечиться на голодный желудок, не спеша, выпил литровую банку домашнего молока и, удобно пристроившись на тёплой завалинке, принялся за лечение...

Ему очень повезло в том, что, начиная эксперимент, он никуда не спрятался. Сначала от крепкого табака у него закру-

жилая голова. «Серое вещество распознаёт качество дыма», – решил он. Потом всё встало на свои места. Вторая, кроме горечи во рту, тоже ничего плохого не принесла, но докурил он её, по-настоящему затягиваясь, с трудом. Третья, с мелкими буквами сбоку, читаемыми как «депутатская жизнь», вызвала сначала улыбку, но затем явную, как после глубокой пьянки, тошноту. Докурив, он уже длинно, с болью икал, сжимаясь и открывая, как в зевоте, рот... Казалось бы, хорош! Но нет! Гордившийся всегда чистотой своих экспериментов, он, уже не распознавая букв на самокрутке, раскурил четвёртую. После нескольких затяжек его вдруг всколыхнуло, и, еле успев убрать ото рта руку, он, даже не напрягаясь, изрыгнул из себя что-то светло-жёлтое, дымящееся, как свежесваренное... Последней осознанной мыслью, была по-детски наивная, но правильная: «Да это же творог!» Потом он упал лицом вперёд и, перекувыркнувшись под уклон от завалинки, распластался с откинутой рукой, как сражённый пулей наповал... Спасли его тогда молодые врачи, приехавшие после окончания института в гости к деду одного из них. Его бабка Лиза, дородная, но на удивление живая и лёгкая на подъём, позволяющая ему почти все его «завороты» и видевшая «весь этот самосуд», сначала смеялась за окном, потом, почуяв неладное, закричала, выскочив на улицу. Парни, сориентировавшись, промыли ему желудок, заставляя полубессознательно пить и срыгивать воду, что-то вкололи в дряблую вену, а потом, даже помыв по просьбе бабки, внесли его в дом...

Пронесло! И, казалось бы, угомонись! Однако мысли, приходившие в его, уже полулысую голову, с каждым разом и годом становились всё изощрённее, и, как он сам думал, глубже! Сейчас его увлекла идея найти возможность научиться «правильно» выпивать...

Усадив стонущего Ивана на диван и сознавая, что «законно заработал», он поспешил высказать свою теорию:

– Там один мужик по телеку твердит, мол, чтобы всё было грамотно, пейте после шести вечера (он машинально посмотрел на настенные часы) и, главное, не больше ста грамм спирта, естественно, в этиловом эквиваленте! Ты чувствуешь, старый? А в переводе на сорок градусов (водка!) – это двести пятьдесят грамм, стакан! Следовательно, чтобы мне – мужику, – он отдельно произнёс это слово, – не стать алкоголиком, наука разрешает выпить гранёный стакан водки или триста грамм твоего самогона, потому как он слабый! – Проня, задохнувшись восторгом, сел.

Иван, хотя и деморализованный болью, возмутился:

– А почему это мой слабый, ты мерил?

– Я его почти один и употребляю! Больше никто не хочет. А слабый, возможно, оттого, что у тебя брага, то есть сусло, кипит не при ста градусах, как у всех, а при девяноста, – он улыбался и потирал руки...

Иван обиделся, но, понимая, что зависит сейчас от Лепёхи, вынужден был согласиться.

– Кто его знает? Можя, и так. Вон стоит в столе, в зелёной бутылке. Там как раз грамм триста, бери и проверяй теорию и меня, пожалуйста, послушай!

Проня, по-молодецки, на пятках, крутанулся и, вытащив бутылку, посмотрел на свет.

– Точно, как по мерке, налито. Ты, наверно, тоже над этой теорией маракуешь? – он внимательно пошарил взглядом по комнате и, найдя табурет, поставил к дивану в качестве стола. Потом придвинул к табурету стул. Заручившись молчаливым согласием Ивана, заглянул в холодильник и вытащил оттуда банку с плавающим в ней огурцом. Проколот огурец вилкой и уложил его на тарелку.

– Ещё бы сальца, что ли... Всё-таки триста грамм: надо ведь, чтобы изо рта ещё не пахло, – он улыбался молчавшему Ивану.

– В морозилке возьми, хлеб – в столе, в пакете, нарезан...

Через две минуты Проня уже сидел напротив Ивана, заедая салом проглоченные сто грамм «слабого» самогона... – Я вот что хотел спросить, – стал рассуждать Иван, – сам видишь, огородник я никакой. Хорошо ещё на улице не очень жарко, а так бы вообще мог скovyрнуться.

Проня с пониманием промычал, жуя, моргнув обоими глазами.

– Так вот, найди, прошу, в деревне кого-нибудь, пускай за огородом поухаживают до осени. И потом урожай себе заберут... А мне картохи мешка три да ведро морковки – и хватит на зиму. Если что, пенсия хорошая, докуплю где. А сам в огород больше не пойду, не по силам мне уже... – Иван замолчал, с напряжением ожидая ответа.

Проня, получивший своё прозвище за чрезмерную любовь к блинам и лепёшкам, с удовольствием и улыбкой аппетитно заедал Иванову выпивку. Не торопясь, проверив на просвет остаток в бутылки, долил в стакан и, осушив его, захрустел огурцом.

– Ты что молчишь, как пень, Проня? Тебе трудно своим серым веществом, которым всегда хвалишься, подумать? Тут дело вон серьёзное, я же уже не мальчик!..

Проня, отложив огурец и утерев губы, не замедлил с ответом:

– Я и молчу, потому что думаю! Ты правильно заметил сам – не мальчик. И в деревне у всех свои огороды, а из города выписывать, дороже станет. Поэтому, думаю, тебе надо бабк... то есть женщину. И лучше на ней жениться!

У Ивана, не ожидавшего такого поворота, по спине пробежали мурашки.

– Да ты что? У меня бабка десять дней назад умерла, ещё постель не остыла!

Он хотел соскочить с дивана, но только громко ойкнул и свалился опять.

– Во, вишь, как тебя пронзает! Я, конечно, могу ошибаться, но теперь тебя любая хворь в ларь сложить может, самая пустячная. И хорошо, если сразу, а то растянется болезнь на месяц... Весь высохнешь, измараешься, лицо потеряешь – как? А будет кто рядом и обмоет, и воды стакан подаст, да и всё остальное потом... – Проня, сочувственно кивая, вылил последнее из бутылки в стакан. Затем уже, критически глянув в него, заметил:

– Нет, не было триста грамм в этой бутылке или совсем ты разучился доброе вино делать...

Иван лежал с закрытыми глазами, и слёзы катились по его щекам. Он любил свою бабушку всегда, но сейчас слова Прони обескуражили его прямолинейностью и правдой. А ведь впереди зима: холода и тоска... Но вдруг он почувствовал, что очень хочет ещё жить: годик, можа, два, а можа, и... Он ещё даже правнуков не видел, а ведь они есть: большеголовые, голопятые, пахнувшие материнским молоком и новой, никогда нескончаемой жизнью! Да, Господи же... Он закрыл лицо руками и сказал, испугавшемуся его слёз, Проне:

– Хочешь, ещё возьми за банками бутылку. И это... если есть кто на примете у тебя или у твоей бабушки, попробуй, поговори. Может, и получится что, может, и правильно? А своей я объясню, поймёт... – и он замолчал, отняв руки от лица.

* * *

Сегодня время катилось, как никогда, быстро. Проня, действительно, растопил старую, но ещё ладную Иванову баню. Воду наливал ему сам Иван в два маленьких семилитровых подойника и выставлял на крыльцо. Обрадовавшись их лёгкости, Проня бессовестно врал:

– У меня два ведра были, ещё от деда, наверно, остались... Сколько в их литров было, не знаю, но единожды схожу – и на баню семье хватает. Раз думал, облегчу себе дорогу коромыслом, дак оно через плечо токо «хрясь» – как не бывало. А сколько надо веса, чтобы коромысло сломать? Вот и суди сам!

Иван негромко смеялся, видя, как Проню с ведрами носило по ограде.

– Долго же тебе ещё таскать, если ты эти, «лёгкие» ведра, пока несёшь, половину выплёскиваешь. Может, тебе бидончик с крышкой снарядить? – быстрее получится...

Проня переставал улыбаться, послушно перестраивался, стараясь ступать плавнее и расчётливей! И это опять забавляло Ивана, находившего в друге сходство с невесткой, хозяйничающей впервые в доме под надзором родителей жениха... Наконец, управясь с делами, зашли отдохнуть домой. Иван сел и, вытянув ноги вдоль дивана, прикрыл глаза. Проня же, сделав привычный глоток и заедая его вкусным салом, ходил, как маятник, по избе, в сотый раз рассматривая ровные стены и аккуратные окна. Случайно глянув в окно и, чуть не подавившись, громким шёпотом зашумел:

– Ой, Ваня, тревога! Невесту везут собственной персоной вместе со свахой, прости, Господи...

У Ивана взволнованно захолонуло сердце, и враз вспотели почему-то ладони...

– Неужели так просто: зайдёт сейчас и всё – бери меня? Или, может, так принято теперь?

Запутанный и испуганный сомнениями, он напрочь забыл, что «кандидатка» на его внимание должна быть, желательно, не намного моложе его.

Проня, словно профессиональный шулер, за полминуты смахнул со стола всё, что могло вызвать справедливый гнев

его жены и, остановившись в раздумье на секунду, добавил вслух:

– Я, наверно, Ваня, в бане скроюсь! Ты же скажешь, что я пошёл домой ещё утром, а она уйдёт, я заскочу, оценю, как эксперт, это... независимый, – и он просто, как дым, усквозил в открытую дверь.

Иван подскочил к окну – женщины уже прошли в ограду. Он, вертанувшись, взглянул на себя в тёмное зеркало, висевшее на стене между окнами, одёрнул рубаху и неожиданно сел на старый табурет, закинув ногу на ногу. Подумав, что это слишком уж вольно, скинул ногу и положил руки на колени... Да что же это? Как провинившийся на партийном собрании! Он подскочил и сделал шаг к двери... Первой вошла Пронина жена и, даже не дав Ивану сказать «здравствуйте», «завелась»:

– Вот и невеста, не из сырого теста, а из нормального проквашенного, великой красотой крашенная, не молодая и не старуха стогодовая – под венец идти готовая!

Дед Иван обалдел. Он ждал чего угодно, но не такого напора и совершенно растерялся, покраснел и, поводя рукой вглубь избы, забормотал:

– Проходите, проходите, – затем почему-то сам проскочил вперёд и упал на табурет, словно ему ноги подрубил...

Один человек запоминает другого человека в какой-то определённый момент жизни. И тот, меняясь для других, для тебя остаётся в одной поре. Ребёнку его мать до самой старости будет казаться молодой и самой красивой! А матери её ребёнок – всегда маленьким и беззащитным. И даже через много лет она, глядя его, уже седую, голову, называет его «маленький мой», совершенно уверенная, что он беззащитен вне её рук.

«Кандидатка» показалась деду настолько молодой, что он от потрясения словно лишился дара речи и только смотрел на

неё. Она же была более подготовлена к встрече и, не замечая его ступора, подошла к нему и, протянув руку, заговорила спокойным мягким голосом:

– Здравствуй, Иван Сергеевич, вернее, Иван. Меня звать Надежда – просто Надя.

Дед, взявшись за её руку, еле слышно откликнулся:

– Привет, садитесь, – и совсем не к месту: – Спасибо!

Надя смотрела на него и улыбалась... На их счастье Пролина бабка, ничего особенного не замечая, заговорила:

– Ваня, это Надежда из соседней деревни, вдовая тоже... Ей уже шестьдесят три, дети взрослые. Давайте знакомьтесь и решайте. Понятно, что не торопитесь. Ты, Надя, сама опять же думай, и если что, где живу, знаешь. А если не придёшь, так, значит, ещё лучше, правильнее... Ну, я пошла, – и бабка Лиза, чуть скрипнув половицами, вышла...

* * *

Надежда села на стул, тоже сложив руки на коленях, и стала осматриваться. Иван, в свою очередь, смотрел на неё и, ничего от волнения из слов соседки не поняв, пытался угадать, насколько же Надежда его моложе. Когда её глаза останавливались на нём, он опускал свои и по-юношески краснел шеей и ушами.

– Мне Лиза сказала, у тебя сын долго не был дома?

– Да. Долго, то есть не очень. Десять лет. Скоро приедет.

– Хорошо. Мои тоже отдельно живут, в городе. У дочери – дочь взрослая, замужем недавно. У сына – два сына. Ещё учатся...

«Слава Богу, не такая уж она и молодая!» – пребывая в растерянности, подумал Иван...

По крыльцу протопали, и в дом вошёл улыбающийся Проля.

– Сидите, присматриваетесь? А я и говорю, что правильно, надо присмотреться! Чтобы потом вдруг изъян какой не обнаружился. Ты, Ваня, встань, пройдишь, пусть Надя поймёт, что кроме хондроза всё остальное у тебя в порядке! А что вчера ты валялся – так это случайность, какая с каждым может быть.

Он прошёл к кухонному столу и, открыв его дверцу, достал почти пустую банку, вылил остатки в стакан и, подняв руку, сказал, теперь именно «невесте»:

– Это я за вас, слава Богу. Он, Ваня, гонит, но сам – ни-ни... Это у него – то за вспашку, то за дрова, то мне за помощь. В этом плане не переживай. И я, опять же, приду на подмогу! В общем, баня готова, и время уже. Я-то –домой, моя, наверно, злится, думает, где я? А я – вот он! – Проня, не прощаясь, вышел, ещё что-то сказал в сенях и, не ожидая ответа, ушёл.

...Иван и Надежда молчали, избегая глядеть друг на друга.

– Может, я пойду, если уже можно. Правда, я не взяла полотенце, не знала, что надо...

– Куда? – он, теперь заволновавшись, смотрел на неё.

– Ну, в баню! Если уже готова, давай обмоемся.

Иван встал и, стараясь не хромать, прошёл к шкафу, достал чистое, мягкое полотенце и, неожиданно для самого себя, белый халат жены, присланный давно сыном. И, опять застеснявшись, предложил показать ей, что и как. Надя согласилась и пошла вперёд.

* * *

Пока искал уличные тапки и, шурясь у тёмного порога, тыкал в них ноги, она спустилась с крыльца, ожидая у огородчика.

– А что так заросло всё? Время нет?

Иван медлил с ответом...

– Время теперь много. Девать некуда. Теперь сил уже не хватает и желания...

– А я огород люблю! Интересно наблюдать, как на глазах всё вырастает, крепнет, соком, теплом напитывается. Вот посадил весной семечко, а к осени – огромный плод, разве не чудо?

– Конечно, чудо, особенно если бы не поливать, не бороться да не сорняки! Ну, ладно, пойдём уже.

В бане Иван показал, где раздеться, как воду наливать, как пару поддать, чтобы не ожечься. Она, наверняка, всё это сделала бы и без него, но деду вдруг захотелось позаботиться о ней и даже поухаживать.

– Могу воды горячей надоставать из бака, вот сюда — в таз большой, а ты разбавишь, как нравится тебе...

– Да не надо, – и она вдруг, до боли по-бабкиному, даже с её интонацией, назвала его – Ваня.

У него от нахлынувшего радостного чувства заиграло в груди и захотелось смеяться, так давно не испытываемо и, наверное, глупо...

– У меня же тоже дома баня. Но ремонт нужен: пол осел, полок подгнил... Звала соседа, тот посмотрел, говорит: ремонт бесполезен. Надо всё переделывать. Но я потихоньку всё равно подтапливаю – без бани туго. А по соседям ходить не люблю.

Иван опять, не по-взрослому радуясь, выдал:

– Ну, вот и ладно, у меня мойся!

Надежда с явным недопониманием улыбнулась:

– Хорошо, согласна. Теперь давай иди, весь уже взмок. Да на улице не стой – не дай Бог, продует. Проходи домой, я скоро...

Иван вышел в вечерний день, и ему хотелось танцевать и кричать от радости. Казалось, что всё будет теперь по-другому:

как, пока неизвестно, но несомненно хорошо ему и, наверное, ей! Зайдя в дом по чуть скрипящим половицам, вспомнил про телевизор, с похорон закрытый простынёй, снял её и включил. Всмотрелся в прояснившийся экран и понял, что идут новости, а внизу кадра прочитал число и день недели.

Двадцать пятое мая, воскресенье!

Он вдов уже двадцать дней, но в сердце непередаваемое горе уже сменилось на радость, такую давно забытую, но неизбежную при встрече с чем-то хорошим...

– Всего двадцать дней... А она, душа-то её, ещё здесь, до сорокового дня, будет смотреть на меня и оценивать... А я уже и радуюсь, и чуть не вприсяд иду... – дед загрустил и сел на табурет, совсем запутавшись в себе.

За окнами было ещё довольно светло, и он удивился: вдоль палисада, со стороны дороги, всюду цвела сирень и белыми, и розовыми тяжёлыми гроздьями соцветий свисала в его сад. Вот как! А он и не видел... Ничего не видел и не чувствовал, даже запаха, такого особенного, сладко-приторного, пьянящего! А сейчас заметил и, заметив, неожиданно вкус почувствовал. Ведь никуда это не уходило, да и не могло уйти...

Легко заскрипело крыльцо, радостной мышью пискнула дверь, и вошла она, именно та, теперь Иван был уверен, которая оживит его пустой дом.

– С лёгким паром! – он повернулся и впервой, не отводя глаз, с нажимом продолжил, – Надежда!

– Ой, спасибо! Давно так сладко не купалась в баньке... Даже немного погрелась на полке, три раза поддавала! – она, по-семейному, сняла с головы полотенце, раскинула по плечам волосы, нагнав в комнату вкусный запах банной чистоты, и осмотрелась.

– Вот сюда садись, на диван, он чистый... А лучше приляг, отдохни чуток, я мигом.

– Не надо мигом, торопости нет, мойся в радость. Только не кались сильно, не к чему. Береги себя – не мальчик...

Иван торопливо вышел из дома, весь покрасневший от радости и удовольствия.

– Господи, какая хорошая! – волнуясь, думал он, развешивая одежду по деревянным вешалам.

* * *

В бане остался её запах, уже узнаваемый, значит, запавший в душу. Теперь стало совершенно понятно: он очень хочет, чтобы она осталась. Насовсем. Чтобы она была и утром, и днём, и вечером... и ночью. Дед вытянул руки и осмотрел себя сверху вниз. Радостного, то есть красивого, было мало. И мышцы висят потянутыми верёвками, и тело, старчески белое, со вздутыми голубыми венами по рукам и ногам.

«Эх, лет бы двадцать сбросить, тогда другое дело...» В шестьдесят он ещё очень хорошо себя чувствовал и не знал, как какой орган в теле называется... Но вот за эти двадцать лет узнал, причём досконально и доподлинно. Ещё плеснув на камни, он вытянулся на полке, наслаждаясь заполнившим парилку жаром... «И козу надо вернуть обязательно! Хорошо, что денег за неё не взял. Что теперь деньги?»

Дождавшись обильного пота, вышел в предбанник, минут десять остывал. Хотел ещё погреться, но передумал. Надо обязательно побриться, и Иван приступил к этому серьёзному делу. Сначала обильно нанёс на лицо пену из пузырька. Затем станком со вставным железным лезвием срезал высокую щетину, злясь и ругая себя за лень: ведь дома лежала электробритва, которой такой волос брился легко: «Сидел кого-то, мечтал, как маленький, нет, чтобы убрать щетину».

После этой пытки снова тщательно намылил лицо и теперь уже добривался кассетной бритвой, под которой щетина не

скрипела, а хрустела, как вчерашний снег морозной ночью... Это было так долго и трудно, что к окончанию этой экзекуции он опять весь вспотел и возрадовался, что второй раз не стал париться. Вышел в предбанник, посидел минут пять и пошёл обмываться.

Из бани шёл уже по сумеркам, с трудом натянув на сырое тело одежду. Вот как... застеснялся своего стареющего тела? И ведь халат, тоже подарок сына, есть. Но первобытное волнение всё из головы выбило.

«А как же теперь быть? Что говорить? Может, выпить стакан, развязать язык? Но нет, обещал бабке не пить, и не к чему, не пойдёт разговор – буду молчать. Хотя, что я, немтырь, что ли?» – и, немного оклемавшись на прохладе, он вошёл в дом.

* * *

Она его не ждала! Именно в том, хорошем, смысле, когда человек берёт ответственность на себя. За это короткое время протёрла пол, убрала со стола накопившуюся после Прониных «испытаний» грязную посуду и собрала на столе ужин.

– Я немного похозяйничала, ничего? В холодильнике много всего, но только половина испортилось, пришлось ликвидировать. А из того, что осталось, вот, ужин...

Иван осмотрел дом, теребя не застёгнутую рубаху, и узнал тот же уют, который был при жене. Ведь всего час, а заметное одинокое отчаяние дома превратилось в спокойную уверенность. Прямо смотри, как всё опять здорово, смотри! Вот, что делает женщина, без сомнения, главное, что есть на земле после Бога!..

Иван аккуратно прошлёпал голыми ногами в комнату, и Надежда воскликнула:

– Ох, смотри, и бороду ликвидировал! – она подошла и открыто посмотрела на него. – А зря, вернее, надо было щетинку

оставить, так – голое лицо беззащитное. Вам везёт: свои года можно под щетиной прятать, нам в этом плане труднее...

Она заставила его снять рубаху и, накинув на шею полотенце, скомандовала: «Вытирай пот, и штаны тоже снимии, оботрись. Ляг на минутку, остынь...»

Иван послушно лёг и, прикрывшись полотенцем, закрыл глаза...

Она, незнакомая ему женщина, ходила по дому, звенела посудой на столе, передвигала стулья. А он? Он был этому рад, по крайней мере, доволен. И только навязчивая мысль о жене, вернее, память о ней, стояла в душе колом... Он вдруг задремал, но, услышав её голос, встрепенулся и попросил:

– Надя, пожалуйста, в шкафу тоже халат висит. Сын нам обоим привозил тогда, ещё десять лет назад. Я с той поры его раз одевал...

Она быстро его нашла и, подавая, улыбнулась.

– К столу! Ужин поздний, поэтому лёгкий, не обессудь...

...Он шёл по саду, придерживая одной рукой халат ниже пояса, чтобы полы шибко не распахивались. Ещё бы, под халатом он был, в чём мать родила, и это его очень стесняло и смущало. Не такой он человек, чтобы внимание людей привлекать... Люди вокруг, их много, но он за Марфой идёт, а она уходит. Быстро, не оглядываясь, но кричит ему, а он слышит!

– И отстань, говорю, не торопись. Тебе ещё здесь дел много, и дом поправь. Да не ходи больше полуголый, как артист, болезнь и отстанет, – бабка завернула за забор, он побежал наперерез, глядя между штакетин. А её и след простыл...

* * *

Пятого июня ночью запел телефон. Иван, не выключавший ночью света в кухне, от неожиданности не мог понять, что это, и скакал голоногий по комнатам, пока не нашёл телефон,

стоящий в стакане у телевизора. Стараясь не «задавить» две, нажал зелёную и, приложив к уху, услышал с восхищённым испугом такой вдруг близкий и узнаваемый голос сына, до невозможности похожий на Марфин.

– Отец, Господи, здравствуй! Я звоню тебе уже какой раз, думал, что так и не дозвонюсь. Как ты?

Иван помолчал, прижимая пластмаску к уху, и заплакал, не в силах ответить. Наконец, справившись с собой, прохрипел:

– Привет, сын! Я хорошо. Ты как?

– Да всё здорово у меня, отец. Мы в порту, дома уже. Я девятого прилечу. Девятого! Жди меня, батя! – связь оборвалась. Иван с укором смотрел на телефон, так мало позволивший радости...

А за десять тысяч километров, на берегу Великого океана стоял его сын, капитан, стоял и тоже плакал, не стесняясь своих слёз...

* * *

Девятого с утра дед был готов. Не спал он с полуночи, крутился под одеялом, как ребёнок, и, в конце концов, скатав простыню в канат, вылез из-под одеяла и прошлёпал в кухню. Самое интересное, что спать хотелось, но что-то очень важное, но недодуманное, тревожило и не давало покоя. Налил кефира, который стал пить, как узнал, что он полезен для желудка, сел к столу и задумался.

Да что греха таить, боится он, как отнесётся сын к его желанию жить с Надеждой. Как же, конечно, мать для него всегда мать – и всё! Но расслоила жизнь его любовь к матери на много других: любовь к жене, потом к детям, к морю, наверняка, к земле, а ещё больше – к Родине! И, возможно, маленько к нему, к отцу – с кусочек, хоть с ноготок, но есть! А если есть эта капелька его любви, то поймёт он, что отец ещё

хочет жить и не предаёт мать его, а ищет возможность жить полноценной жизнью своей, с памятью о ней. Дед запутался в мыслях, допил прохладный кефир и пошёл раскручивать простыню. Нет, не умеет он, наверное, складно думать, ещё меньше складно говорить... Надо было с Проней шпаргалку написать, как в школе! Проня умеет излагать, подсказал бы чё! Но «хорошая мысль приходит опосля»...

В восемь Иван уже приготовился к встрече с сыном: был собран и умыт. Хотя и понимал, что день большой, решил ничем не заниматься, чтобы не ударить в грязь лицом. Поэтому даже завтракал с утра быстро, как солдат в походе. Проверил тщательно порядок в доме, поправил в бабкиной спальне фотографии, наколотые над придвинутым к стене столом, одёрнул занавески, пощёлкал выключателем, проверяя свет, и, ещё раз оглянувшись на пороге, удовлетворённый, вышел.

Не удержавшись, прошёлся по тёплой пыли, шуганул курей, накопавших опять ям вдоль забора, проверил готовность бани к растопке и другой стороной ограды вернулся под навес. С удовольствием сел на старый, выдавший виды, но такой родной кожаный диван с удобно продавленными ложбинами для спины, закрыл глаза и легко, как по заказу, чутко задремал...

В десять разбудил прикативший на велосипеде Проня, приодетый в новый, цвета хаки, «солдатский» костюм. Иван, понимая ответственность предстоящего, предложил ему чаю, на что хитрый и напористый Лепёха заметил, что «чай не водка, много не выпьешь!» Иван вздохнул и закрыл глаза, после чего Проня пошёл на попятную.

– Только не крепкий, а то и так вспотел, как конь, – вообще взмокну!

– Дак тыними куртку-то, чё паришься?

– Ты не поймёшь: в этом костюме резинка на штанах хитрая – даже не резинка, а завязка. И вот, когда я завязываюсь потуже, чтобы штаны не спали, они вздуваются на заднице, то есть на бёдрах, как шаровары! Вот и приходится куртку не снимать, чтобы этого смешного вздутия не видно было... – Он сел на диван и, замолчав, смотрел на закипающий чайник, шевеля губами. Когда чайник, щёлкнув, отключился, Проня с восхищением заговорил:

– Я вот не электрик. Не понимаю, электроны–протоны... Но всегда, заметь, всегда восхищаюсь умом тех, кто это придумал. Вот смотри, чайник вскипел и – раз, выключился, как и не было ничего. Это же здорово, согласись? Теперь, может, помнишь, у меня в девяностых чайник был, – он вопросительно смотрел на Ивана и тот, чтобы Проня отстал, кивнул, – так я только однажды про него забыл, он так шарахнул, когда в нём вода выкипела, как мина пехотная, не меньше! И хоть дом и не пострадал, но избу я самолично два раза мыл тёплой водой от налёта белого, словно мел.

Он замолчал и, не в силах терпеть, снял куртку, оказавшись, действительно, с такой смешной талией, что Иван весело рассмеялся.

– Да ты, Проня, куртку сам носи, а штаны бабке подари, у неё бёдра как раз по ним, она в них в лес будет ходить, по грибы...

Проня подскочил и, накинув курточку, пошёл, почти бегом, домой, забыв свой зелёный, с белыми буквами велосипед. Пришёл он обратно минут через десять и радостно сообщил:

– А она и рада! – говорит, ей такая одёжа очень нравится!

Потом в течение сорока минут они вприкуску с карамельками пили пахучий вкусный чай, не разговаривая, чтобы не портить уюта процесса. Два раза подогревали и, уже ближе к завершению, по пояс разделись, вспотев, до мокрого.

– Не переживай: как пыль увижу от такси, дам отмашку! Ты быстро свою красивую одежду на себя скидаешь... – успокоил друга Иван.

Напившись, полчаса поговорили о «разном» и вскоре задремали оба, обласканные теплом под навесом, закрывающим от горячего солнца!

* * *

Сын приехал не один. Когда стаскали в дом все чемоданы, и такси ушло в город, Проня, успевший растопить баню и даже помочь нести тяжеленную, звенящую стеклом сумку, увидев оставшегося во дворе парня, спросил у Ивана: «Внук?» Иван, засмутившийся своего незнания, справился у сына.

– Это, батя, брат жены, младший. Звать Коля. Он немного больной, жена попросила взять его с собой, может, новые встречи и впечатления настроят его на здоровье. Я потом всё подробно расскажу, не переживай.

Дед подошёл и, протянув руку, назвался. Молодой человек улыбнулся и, пожав её, ответил: «Николай! Двадцать пять лет, как с куста, не больше и не меньше...»

Проня тоже подал руку и назвал себя, за что новопредставленный Николай зацепился:

– Приятно. Наверно, старый друг? И имя интересное – Проня! Что-то такое массивное сразу в голове, типа броня! А меня, как вы, наверное, слышали, Коля, Коленька, но лучше Клемент! – надёжнее...

Затосковавший Проня пожал худые пальцы и, ничего не поняв, убежал в баню. Там, подкинув дров, решил: наверно, писатель какой, они все – то Горький, то Тополь, а то ещё хлеще – Корней! Успокоиться он не успокоился, но хоть какое-то объяснение...

Иван отвлёк его от мыслей и, не вводя в курс дела, радостно предложил:

– Сбегай домой, пускай вечер твой придёт, посидим, порадуемся вместе. Это же прям счастье для меня, Проня. Ведь, если следующего приезда ждать, опять десять лет, мой шанс очень мал! Поэтому – праздник! Предупреждай жену, а сам наперёд приходи, попаримся! – и Иван, улыбаясь, трусцой, как-то в пол-оборота из-за хондрозной напасти, заспешил в дом.

– Во, Божий дед заскакал, как молодой, ну, или почти молодой...

* * *

Когда радость в доме, время летит незаметно. В баню ходили всем мужским кагалом. И, хотя кроме сына все остальные (деды) парились «игрушечно», однако потели под навесом по-настоящему, отираясь постоянно рушниками. Николай париться не любил, но, отвечая за чай со смородиновым листом, потел не меньше остальных. Он был неожиданно весёлым и высказывал мысль, что пот – следствие горячего питья! Над ним смеялись и предлагали после отжать полотенца: с кого больше набежит. Про ужин забыли и, если бы не баба Лиза, собирающая на стол, парились бы до утра. Сын Ивана, наверное, привыкший кричать в океане, восхищался жизнью громко и торжественно, вспоминая свою деревенскую юность, потом службу в армии, и плавно переходил к морю. Начиная рассказ о жене и детях и, радуясь воспоминаниям о них, снова переходил на морскую тему: как это всё помогает там. Когда же он, как Посейдон, перевязанный простынёй, заговорил уже об океане, на их счастье, баба Лиза позвала всех в дом.

Стол был яркий, красивый и необычный. Банки, о содержании которых консервативная баба Лиза не догадывалась, были просто открыты и поставлены на стол. Само собой,

салат из городских, без привычного аромата, овощей, был нарезан в большую чашку. Но поскольку эта еда вызывала у бабы Лизы справедливое подозрение, из съедобного были: надёжное сало, заманчиво лежащее на широкой кухонной доске, и картошка в большой кастрюле, парящая и разваливающаяся! Баба Лиза, смущённо улыбаясь, предложила:

– Я по-ихнему не понимаю и, хотя в банках всё, вроде, похожее, мешать не решилась, давайте, каждый по отдельности рискуйте. А кто не рисковый, ешьте съедобное, – и она показала на картофель и сало, выделяющиеся на столе особняком.

Сын Ивана долго объяснял: и что такое это есть и как употребляется. Потом открыл красивую бутылку и всем налил понемногу в стаканы.

– Это текила – ихний самогон из кактуса, – он вдруг запнулся, взглянув на отца, и продолжил, – нет, давайте своим, нашим, помянем...

Налили водки и, молча, выпили, перед этим покрестясь. Дед Иван пил вместо водки, извлечённый из погреба, ранеточный компот, а Коля не пил ничего и не крестился...

Заедали тоже молча, потом заговорили о разном. Ещё перед застольем дед Иван предупредил сына, остановив его на крыльце: «Сынок, давай все дела относительно матери завтра обсудим. Сегодня помянем немного и просто посидим, пообщаемся, о себе расскажешь, о детях, жене да просто о жизни...». На том и порешили.

Неожиданно инициативу перехватил Проня. Он долго, с подозрением смотрел на цветную бутылку и на жидкость в стакане и, наконец, не выдержав, поинтересовался:

– А ты скажи мне, моряк, объясни уж отсталому, как это можно из кактуса, прости, Господи, самогон гнать? Или ты над нами шутишь, по незнанию?

– Да нет, зачем шутить? Они кактус, кстати, не домашний, маленький, а огромный, с человека, подрезают и сок с него берут, как у нас с берёзы. Сок сладкий. Они на нём и делают брагу, потом перегоняют.

Проня, попробовавший это питьё и, узнав, сколько это стоит, вконец расстроился и, слушая почти весёлый разговор, умолк. Он совершенно не мог понять, почему это так это дорого, ведь у нас гораздо вкуснее и доступнее: «Текила!» – но бутылку в конце вечера унёс с собой, как выигранный трофей...

* * *

Они сидели за кухонным столом вдвоём и уже долго молчали. Первым начал сын.

– Ну вот, отец... Всё быстро так катится, что кругом не успеваешь. Домой придём, пока документы, дела капитанские, то, сё... Потом жена, в которой хочется забыться, о которой думаешь и мечтаешь долгие недели, запахом которой надышаться не можешь несколько дней. А дети! Маленькие были, они с меня не слазили, спать с собой брали, только чтобы был всегда рядом! А вы есть и есть. Позвоню раз в месяц – и вроде как всё хорошо, вроде как так всегда и будет... А нет, оказывается – не всё так просто... Как узнал, что мать умерла, что-то оторвалось – вот как кусок тела! И всегда теперь помнить буду: нету этой части, и заменить нечем. Вот беда... – Сын долго смотрел на отца, вглядываясь и, наверное, запоминая.

– Ты только, батя, сам держись, прошу тебя. На следующий год обязательно приеду и внуков привезу, и жену. Береги себя, живи, отец.

Он протянул руку и, накрыв своей ладонью ладонь отца, замолчал. Иван, наконец, решился:

– Вот что, сын, послушай меня и пойми. Я долгие годы жил с твоей матерью, своей женой и радовался. Видит Бог: ни разу не пожалел, что соединил судьбу с ней. Но... вот она умерла, и я, и мне самому жить расхотелось. Вот, прям, предателем себя чувствую... Но даже это, самое страшное и то полбеды. Ухаживать за собой трудно стало, время побеждает. Я теперь засов за собой в дом не закрываю, чтобы, если что, долго не киснуть... – Дед вдруг перешёл на шёпот и по-детски заплакал, – веришь, нет, пугаюсь беспомощности своей, как кары небесной, которая страшна даже в неведении, не дай Бог! – он замолчал. Молчал и сын.

– Но вот теперь появилась женщина, – он посмотрел на заулыбавшегося и поднявшего брови сына, – и она согласна жить со мной! Вот... Но я не предатель, я всегда буду мать помнить и любить, я...

Сын подошёл к Ивану и теперь сам, по-отечески, прижал его голову к груди.

– Вот и хорошо, отец! Вот и живите! Вот теперь я и спокоен, видит Бог! Как же это правильно, батя!

* * *

Утром сын ушёл на кладбище, надев свою парадную капитанскую форму, спозаранку выглаженную. Он – высокий, красивый и строгий, взяв цветы, попросил отца:

– Ты, батя, попозже подходи, я хочу один вначале побыть с ней, поговорить, прощения попросить. Через часок подходи, и вместе посидим. – Он спустился с крыльца, поправил фуражку и пошёл, по-флотски чуть покачиваясь, в сторону кладбища. Иван, проводив его взглядом, направился к курам: собрать яйца и выпустить их, уже нетерпеливо переговаривающих в сарае.

Жена Петьки, похожая на него говорливостью, огород прополола хорошо и по отдельному договору уже два раза

полила. Поэтому, к радости деда, на грядках всё было зелено, ровно и густо. Полюбовавшись, Иван вошёл в дом, где застал сидящего в трусах на табуретке Николая. Сегодня он выглядел как-то невзрачно: неулыбчивый, взлохмаченный и, заметно, худой.

– Доброе утро, – дед подождал ответа и, не дождавшись, продолжил, – ты чего такой худой, парень? Заметил я, совсем без аппетита ешь – плохо. И что за хворь в тебе, рассказывай. Может, научу, чем полечиться...

Парень, повернув голову, без улыбки ответил:

– Курю я, дед! Вот курю и не могу завязать. И сила есть, – он с сарказмом посмотрел на согнутую в локте руку, – и желание, – Николай уже улыбался с отчаянием, – а силы воли нет! Гадко...

– Да ладно, брось. Я до пятидесяти лет курил, а потом раз – и бросил, и ты сможешь. Да и не часто ты куришь, я, кстати, так и не видел тебя курящим...

– Я курю редко, но метко... Так курю, что не дай Бог никому. Любитель! Фанат этого дела! Раб, можно сказать. – Он встал, взял штаны и рубаху, вышел, направляясь в ещё тёплую баню. Дед смотрел вслед и совершенно не мог понять, о чём парень говорил.

Мылся долго, Иван уже заволновался, когда тот вернулся. Поразительно, но вошёл он другим: с блестящими глазами, по-франтовски одетым, со снисходительной улыбкой на губах.

– И, возвращаясь к нашему разговору, замечу, что это не так уж и плохо, но... затратно в плане средств и заодно здоровья! Поэтому стараюсь держать себя в руках, на жаргоне боксёров – контролировать...

Он потёр зябко руки и закончил:

– Теперь идём к бабушке, не знаю, кем она мне доводится. Но не важно, потому что догадываюсь: человек она была хороший.

Он на носках ловко развернулся и, легко толкнув дверь, вышел. Дед – за ним, по-стариковски суетливо заправляя рубаху в штаны.

Сын стоял у могилы, и был заметен издалека. Дед вспомнил, что стульчик унёс, а лавочку ещё не сделал, и пожалел сына: «Уже час стоит, присел бы, что ли, на землю, она уже тёплая, однако я – пень...»

Они, тихо и молча, подошли, встав рядом. Дед, как ни старался, не смог себя сдержать, но плакал тихо, утирая слёзы со щёк по очереди.

Николай вдруг перекрестился, тихим голосом произнёс: «Земля пухом, и царствие небесное на веки веков», – и скорбно склонил голову...

– Да, именно так, пускай уж она в царствии небесном отдохнёт от суеты мирской, от дел праведных и трудных. Да пускай всем на том свете места хватает. Возможно, действительно, там есть рай кому-то, а кому-то – просто покой... Ну, а память? Она долгая о людях и хороших, и плохих – каждому по его заслугам.

Николай, нетерпеливо потоптавшись, побрёл вглубь кладбища, к старым, каменным крестам, величественно нависшим над осевшими могилами. За кладбищем, в высоких кустах он заметил остатки строения и, подойдя ближе, по некоторым приметам узнал развалины ещё, наверное, дореволюционного, совсем небольшого храма, с округлыми стенами и обрушенным временем деревянным куполом. Он остановился, поражённый и, уставившись в окно под чугунной решёткой, подумал: «Время! Как же оно жестоко и неумолимо в своём устремлении мчать дальше и дальше, в своём желании по-

хоронить прошлое и родить новое, неузнанное, но уже неотвратимое... И как же жаль этого прошлого, с крестами и развалинами существовавшей раньше жизни!»

Очнувшись от размышлений, он прошёл через главный вход немного дальше по битому кирпичу и вытащил из кармана маленькую железную коробочку. Бережно достал из неё небольшую сигаретку, склонив голову набок, прикурил и, вдохнув дым, закрыл глаза... Потом ещё и ещё раз. Подождав минуту, легонько сбил огонёк о край коробочки и, положив в неё окурочек, сунул в карман... «Хорош, до вечера... А то мысли попёрли шибко умные, как бы чего не придумать на грех...»

Он улыбнулся, неторопливо перекрестился и пошёл обратно, «в жизнь», из этого тихого умиротворяющего покоя.

* * *

Ближе к вечеру явился Проня и очень удивился, узнав, что сын Ивана уехал.

– Сорок дней же через неделю, дождаться не мог?!

– Значит, не мог, Обещал через год, со всей роднёй приехать. И внуков привезть, я младшего совсем не видел. И сноху уже не помню.

– Да им что до нас! У меня вон двое, но я не только их, а даже на внуков всласть не посмотрелся. Сами работают, внуки в лагерях заняты... Вспоминают, когда картошку садим да копаем, и – всё, – Проня махнул рукой, уверенный, что его поняли.

Иван, не обращая внимания или не услышав Проню, продолжил:

– Денег оставил, сто тысяч. Представь! Просил бабке что-нибудь сделать на могиле. И отпеть на сорокоуст. Интересно, сколько сейчас всё это стоит? Хватит, нет?

Из соседней комнаты зашлёпали ноги, и вынырнул, как всегда отдыхающий после обеда в домашней прохладе, Ни-

колай. Он сел к столу и, отхлебнув из чашки, вклинился в разговор:

– Вообще, это пережиток времени и неправильная стратегия жизни и смерти. Это пока живёшь, что-то хочется, а уж если умер, то лежи и молчи. Ничего им, мёртвым, не надо. Уж поверьте. Я вообще согласен с соседями по Европе. У них, если покойного кремируют, то вообще труп в коробке бумажной жгут. Зачем деньги тратить, если всё равно пепел по ветру. А если в землю, то, наверно, пластиковый гроб, как бутылка из-под воды, только большая. Во – экономия! Во – цивилизация! Это же нанотехнология на службе людей, – Николай засмеялся и пошёл к выходу, – а вы: памятники гранитные, ограды кованые, поминки многолюдные...

Деды сидели, оглушённые услышанной тирадой.

– Поди, врёт про коробки, – Проня по-настоящему был удивлён, – это чё, кошки, что ли? У них же тоже церковь есть, не разрешила бы...

Иван же уловил в словах парня скорее презрение, словно разговор шёл о чём-то, что его обязательно минет...

А Проня, собираясь домой, всё бухтел:

– Ну, не зря, он сам-то кто, непонятно! То он Коля, то Клемент, то где-то бродит, то спит, как суслик зимой...

Иван, положив деньги в шкаф, за стаканы, посмотрел на часы и пошёл управляться.

* * *

Жара он ещё не чувствовал, но точно понимал, что бумага загорается быстро. Вдалеке кричали по-козьи, пронзительно и страшно. Он сам, вытаскивая голову из коробки, твердил упорно кому-то: «Дайте хоть рубаху надеть, рубах-то у меня много, ещё ненадёванные есть. Что уж совсем-то по-паскудному в майке бумажной, как нищего?» – но на него не

смотрели, отворачивая головы, упорно несли к костру. «Какая тебе разница, болтун? Помер – молчи. Всем вам не угодишь, а экономия какая – миллионы...» – Иван захрипел засохшим во сне горлом и проснулся.

– Что же это за сон, Господи, прости? Разве так можно?!

Он скинул одеяло, вытер рукой потный лоб и с трудом поднялся. В дальней комнате горел свет, немного освещая кухню и входную дверь. Дед заглянул в спальню к Кольке: кровать была запроважена. «Он же, когда сорвался, всё брошенным оставил. Неужели приходил и опять ушёл? Вот слух: совсем никуда не годен становлюсь.» Отпив глоток холодного чая, немного постоял, но, ничего не придумав, лёг – «утро вечера мудренее!»

Утром Колька не появился. Дед выпустил кур, как обычно, обошёл двор, заглянул в огород. Почему-то начал волноваться, вдруг подумав, что этот парень – человек чужой, и ему, Ивану, придётся отвечать за него... Не найдя объяснений и от волнения забыв помыть лицо, заспешил к Проне. Тот, словно ожидал Ивана, стоя у ворот:

– Никуда не денется твой родственник, не психуй зря. Он, хоть и непонятный, но всё равно, вроде, мужик. Так что «Шерша и ля, и фа»! Скорее всего, у какой молодки или солдатки пересиживает ночь... – и Проня игриво ухмыльнулся.

Иван успокоился и побрёл домой. «Что, правда, забегал? Ничего не случилось неожиданного. Вот, нервный какой стал...»

Воротясь домой, он сразу прошёл в баню и с удовольствием помылся по пояс прохладной водой. На кухне включил чайник и полез в сервант за чаем. Попутно сунул руку за посуду – денег не было! Иван ещё раз тщательно пошарил рукой, снова не найдя, подвинул стул и, теперь, досконально переставляя стаканы, всё перепроверил – нет! Дед испуганно

сел, пытаясь сообразить, что же произошло в его жилище. Денег, данных ему сыном, не было! Насколько бы он ни был забывчив, но про то, что сунул пачку в шкаф, помнил. Помнил даже разговор перед этим. Но и всё. Ни Кольки, ни Прони, после этого не было. Он вышел во двор, сел на любимый диван и, вытянув ноги, закрыл глаза.

«Может, повспоминать? Вдруг ночью, когда вставал, перепрыгал? Но нет, помню же, что вставал, помню даже, что снилось. Вот беда, и подумать даже не на кого, все свои, разве можно?» Он почувствовал, как заныло в затылке и, пытаясь отвлечься, чутко задремал...

* * *

Дед направлялся к Проне, обдумав всё. Целый час он ломал себе голову в раздумье, зачем парню столько денег. А потом вспомнил: он же болеет. И сын говорил, что у него (Николая) какая-то хитрая болезнь, которую надо перетерпеть! И хотя почему так, Иван не понимал, но, что деньги постоялец взял на лечение, вдруг его успокоило. «Спросить постеснялся, наверное, думал, не дам. Вот дурында. Хотя, конечно, все бы не отдал, но тысяч восемьдесят, пожалуй, смог бы...»

Он убедил себя: вылечившись, Колька деньги вернёт – это же долг!

Но теперь нужно было что-то решить с оградой на могилу и, возможно, крест установить новый: побольше и покрасивее... «А прежний, то есть этот, что стоит, себе оставлю. Не шибкий барин, под простым полежу!»

Успокоенный этими благостными мыслями, он топал к Проне.

Проня со стороны огорода выкашивал из-под забора траву. Увидев Ивана, радостно заулыбался:

– Косит сама, сосед. Я, прямо, восторгаюсь. Ещё маненько рука не привыкла к новому ходу, но, думаю, за недельку пообвыкну – и в лес, колки окашивать.

Он дошёл до угла и, остановившись, ждал. Иван начал без предисловий:

– В общем, Проня, мне твоя помощь нужна.

Тот, ожидая не этого, перебил:

– Колька нашёлся?

– Я про это и говорю. Кольку я отправил лечиться, здесь ему не помогает...

– Правильно, – вставил Проня.

– Вот и я говорю то же. Дал ему денег и отправил, пускай здоровье поправит...

– И много дал? – не унимался Проня.

– Ты что, как баба молодая, не терпишь. Всё скажу, не выбивай слово...

Проня поднял руку, как бы извиняясь: «Прошу, прошу...»

– Поэтому денег осталось мало, и я подумал вот что. Давай попросим Саню Лыко, он же плотник от Бога, с душой, пускай крест красивый сделает и лаком его, того... А мы сами оградку деревянную на столбиках навесим, лёгкую, зелёную, как любила она... А лавчонку со столиком сделаю уже сам. Просто, Марфа не любила ни камень, ни железо...

Проня, хитро прищурившись и чуть улыбаясь, согласился:

– Давай, только скажи честно, много ему отдал?

– Не отдал, а дал на лечение... Девяносто... это, пять, – дед смущённо прокашлялся и увереннее повторил, – девяносто пять тысяч рублей.

Проня охнул, и растерянно оглянувшись, тихо спросил:

– А на дело, на материал?

– Есть у меня запас свой. И пенсия скоро, и похоронные в сельском совете дадут. Должен не останусь...

Проня согласно кивнул головой:

– Хорошо, иди к Сане, договаривайся про крест. А завтра в гараж ходим. Там армян один пилораму арендует, у него с материалом порешаем. Столбики надо из лиственницы, крепче железа будет. И штакет длиннее стандартного, но чуть поуже. Очень красиво получится. Только дороже немного, это же спецзаказ. В общем, иди, язык есть. Я сегодня здесь всё доделаю!

Иван заулыбался, понимая, что Проня обязательно ему поможет. Он, Проня, «мужик с головой», и дед, улыбаясь, потопал в деревню.

* * *

К сороковому дню всё было готово. Деды за два дня собрали оградку и сегодня с утра покрасили её зелёным, выделив столбики тёмно-серым.

В двенадцать подъехал Серёга Лыко и привёз на своём маленьком прицепе красивый, чуть затемнённый морилкой и покрытый корабельным лаком, православный крест! Он же дрелью на аккумуляторе прикрутил аккуратную белую табличку с фотографией, именем, фамилией и годами жизни-смерти. Крест поставили на место, прежний же Серёга согласился завезти домой к деду. Сам дед, боясь опоздать, спросил Серёгу, сколько ему должен за такую чудесную работу?

– Да ты что, старый, окстись... Какие деньги, мы же все свои, считай... Она меня, маленького, за курево драла крапивой! Я мало, что из детства, помню, а это – как вчера. И как потом в луже за базами сидел, чтобы задница не горела! И что родителям моим не сказала про то, тоже многого стоит... Царствие ей небесное! – он завёл свою технику и укатил в деревню.

«Вот, пожалуйста, а я о своих третьего дня плохо думал! Как так можно, вот же неумный», – дед с удовольствием смотрел на крест.

Когда пошли домой, Иван открыл калитку оградки. На немой вопрос Прони ответил без сомнения:

– Душа её завтра пойдёт-полетит отсюда насовсем. А мы всё, что смогли, сделали. Пойдём с Богом...

И оба старика, один – повыше, согнув немного разбитую хондрозом спину, другой – пониже, шагающий чаще и короче, пошли молча в крайнюю улицу, преследуемые твякающей собачонкой, которая, не найдя ничего съестного на могиле, обиделась на них...

Назавтра душа Марфы, успокоенная и благодарная, полетела на суд Божий, в его обитель.

* * *

В воскресенье, в погожий июньский день в деревню П. въехал мотоцикл с люлькой и двумя седоками. Постепенно сбавляя скорость, чтобы при остановке не утонуть в пыли, они подъехали к магазину и остановились. Из люльки поднялся седой пожилой мужчина с лицом в блестящей серебротетине, сняв каску, что-то сказал водиле. Тот кивнул и заглушил технику. Мужчина одёрнул пиджак, выбил из брюк пыль, осевшую в дороге и, зачесав пятернёй волосы, пошёл вглубь деревни. У пятого от магазина дома он оглянулся и, не останавливаясь, вошёл во двор...

Надежда увидела его в окно и, неожиданно, радостно взволнованная, присела к столу.

Иван, войдя, секунду помолчал, слепо со света смотря в комнату и, увидев хозяйку, сказал ровным голосом:

– Здравствуй, Надя! Я пришёл просить твоего согласия жить со мной. Прошу тебя стать моей женщиной, единственной, до конца. Ты мне очень нравишься, и я всегда думаю о тебе, – он взволнованно замолчал, понимая, что из речи, придуманной Проней, забыл большую и лучшую половину...

Надежда чуть наиграно ответила, сделав шаг к нему:

– Я, конечно же, не против предложения такого достойного мужчины... я согласна, Ваня, – и, сделав ещё шаг, склонила голову на его плечо, а он неумело, но надёжно обнял свою пассию и крепко поцеловал в ждущие и такие родные губы.

А в соседней деревне, во дворе Ивана Нефёдова, чуть хмельной Проня внушал козе, аккуратно выбирающей из конотопа, растущего по двору, сладкий подорожник: «И ничего не говори, всё и так ясно. А заживёте вы с завтрашнего дня по-новому, тока как, не знаю... Можя, и меня больше не увидишь, вдруг молодая запретит – и всё! Будем два раза в год с бабкой заходить на дни рождения, если, конечно, позовут... – э-э-эх!» – и Проня, махнув рукой, поплёлся домой, пытаясь думать о лучшем.

